

Тимур Щукин*

«ПРЕКРАСНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА»**

ГУМВОЛЬДТИАНСТВО А. А. ПОТЕВНИ
И ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ А. Ф. ЛОСЕВА

Получено: 20.01.2021. Рецензировано: 29.01.2022. Принято: 02.02.2022.

Аннотация: Цель данной статьи — проследить рецепцию философии языка А. А. Потевни в сочинениях А. Ф. Лосева (прежде всего в трактате «Философия имени») и доказать, основываясь на свидетельствах самого русского философа, что именно лингвистическая философия А. А. Потевни лежала в основании, хотя, разумеется, и не была буквально скопирована, оригинальной философии имени А. Ф. Лосева, несомненно находящейся в русле рецепции позднеантичной и новоевропейской философии. Обрисовывается круг источников «Философии имени», о которых А. Ф. Лосев ясно говорит в примечании к трактату «Диалектика художественной формы». Сопоставляются слова А. Ф. Лосева, сказанные о каждом из «источников» его философии, с базовыми элементами самой лосевской философии имени, делается вывод о том, какой из источников был более важным, а какой — второстепенным. Выявляется, что наибольшее количество элементов лосевской философии имени обнаруживается именно в трактате А. А. Потевни «Мысль и язык», на который А. Ф. Лосев прежде всего и ссылается. С точки зрения А. Ф. Лосева, в философии языка А. А. Потевни содержится тезис о том, что язык структурирует или организует процесс понимания вещи, продуцирует мысль, которая идеально тождественна вещи и воспроизводит ее структуру. Также анализируются цитаты из А. А. Потевни в ранней статье А. Ф. Лосева «Рождение мифа», которые выстраиваются в связную систему, на мой взгляд, рецептированную и переосмысленную в трактате «Философия имени». Ключевое отличие систем А. А. Потевни и А. Ф. Лосева лежит в сфере философского метода: если Потевня выстраивает «историю» имени от неразличимого чувственного массива к самосознающей идее, его феноменологию, то русский философ диалектически выводит элементы имени из наличной идеи.

Ключевые слова: Александр Потевня, Алексей Лосев, философия языка, философия имени, новоевропейская философия, имя, система, структура.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-235-252.

*Щукин Тимур Аркадьевич, ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург), tim_ibif@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7513-9873.

**© Щукин, Т. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00134 «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

Факт некоторого влияния философии языка А. А. Потебни на философию имени А. Ф. Лосева сложно поставить под сомнение в силу прямых указаний последнего на близость его воззрений к воззрениям лингвиста XIX века. В трактате «Философия имени» (1923) А. Ф. Лосев писал (Лосев, 1993а: 615):

Теории языка и имени вообще не повезло в России. Прекрасные концепции языка, вроде тех, каковы, напр., К. Аксакова и А. Потебни, прошли малозаметно и почти не повлияли на академическую традицию.

И еще более красноречиво в примечании (там же: 801):

Наша «диалектика человеческого слова» ближе всего подходит к тому конгломерату феноменологических, психологических, логических и лингвистических идей и методов, который характерен для прекрасного исследования А. Потебни «Мысль и язык» [...], внося в него, однако, диалектический смысл и систему.

Л. А. Гоготишвили (Гоготишвили, 1993: 907), указав на первый фрагмент, констатировала «частичное совпадение» позиций А. Ф. Лосева и А. А. Потебни, при этом делала акцент на интеллектуальном одиночестве философа и, следовательно, неактуальности выявления каких-либо связей с предшествующей интеллектуальной традицией. Однако тот факт, что в своем главном труде о природе имени А. Ф. Лосев ссылается именно на А. А. Потебню, не может не поражать и не вызывать особенного исследовательского интереса¹.

В примечании присутствует ссылка только на Потебню (без упоминания Аксакова). Куда более развернуто об источниках своей «диалектики

¹Мы знаем только две небольшие работы, где проводился хоть какой-то анализ связи философии имени А. Ф. Лосева и философии языка А. А. Потебни. Это небольшие статьи А. М. Камчатнова (Камчатнов, 1998) и С. А. Полковниковой (Полковникова, 2019). На мой взгляд, эти работы, хотя они и выполнены историками языкознания, подходят к данному вопросу с точки зрения философской компаративистики. Выводы их заключаются в принципиальном расхождении философских позиций А. А. Потебни и А. Ф. Лосева. В то время как, на мой взгляд, в данном случае более актуален историко-философский подход: нам следует исходить из того, что философия языка А. А. Потебни является важнейшим источником для философии имени А. Ф. Лосева именно потому, что сам А. Ф. Лосев его считал таковым. Важно проследить рецепцию взглядов Потебни, обращая внимание, разумеется, не только на «цитаты», но и на трансформацию идей Потебни в рамках философского дискурса А. Ф. Лосева, без сомнения достаточно оригинального и «авторитарного», не допускающего простых заимствований. См. также небольшое наблюдение Н. Д. Тамарченко (Тамарченко, 2011: 20) о схожести определений символа у А. А. Потебни и А. Ф. Лосева.

человеческого слова» А. Ф. Лосев пишет в трактате «Диалектика художественной формы» (1927) (Лосев, 1995: 190–192):

Имени посвящен мой специальный трактат: «Философия имени». В истолковании имен я следую платоновскому «Кратилу» в понимании его Проклом в специальном комментарии на «Кратила» [...]. Этой традиции следуют: Гегель [...], отождествляющий имя с вещью, как она представляется [...]; Шеллинг [...], присоединяющийся к воззрению, по которому «das Wort oder Sprechen Gottes betrachtete man als den Ausfluss der göttlichen Wissenschaft, als die gebärende, in sich unterschiedene und doch zusammenstimmende Harmonie des göttlichen Producierens» [слово или речь Бога рассматривалось как изливание божественного знания, как рождающая, в себе различная, но все же объединяющая гармония божественного рождения] [...], так что «die Sprache als die sich lebendig aussprechende unendliche Affirmation auf ewige Weise liegt» [язык как в себе живое бесконечное высказываемое утверждение существует вечно]; В. Гумбольдт [...], по которому язык — орган внутреннего бытия, даже само бытие, постепенно познаваемое [...], творящая природа [...], истинное творчество и таинственное действие сил духа [...], действие силы духа в выражении мысли [...]; Конст. Аксаков, по которому «язык есть необходимая принадлежность разума, конкретно явившего, выразившего обладание природою через сознание и только через это обладающего ею», так что «язык — это существо человека, это — человек самый» [...], и «слово есть сознание, слово есть человек» [...], «слово и человек — одно», оно — там, где «является возможность нового бытия, вне материи, бытия в идее понимаемой» [...], и, стало быть, «слово есть выражение сознания, без которого сознание невозможно» [...], «это природа, дух, жизнь, все бытие, но сознание и действительно живущее в сознании и потому новое бытие» [...]; А. Потебня, развивший замечательное учение о взаимоотношении мысли и языка, если освободить его от ненужных психологистических привнесений, и утверждающий, что «слово есть самая вещь» [...], что «язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее» [...], что оно — орган самосознания, начало, организующее понимание вещи [...]; в значительной мере Гуссерль своим учением о «чистой грамматике» [...], с некоторыми поправками: А. Marty...; и, наконец, Э. Кассирер, давший систематическую феноменологию языка на основе объективно-структурального его анализа, где «der Name einer Sache und diese selbst sind untrennbar mit einander verschmelzen» [имя вещи и она сама (вещь) неразрывно сливаются друг с другом] [...], так что далеко отшвыриваются всякие теории «ассоциаций», «репродукции» и проч. и слово рассматривается как средство и условие самосознания, откуда «основная функция значения еще до полагания отдельного знака была уже налицо и была действительна, так что она не создается впервые в этом полагании, но только фиксируется, только применяется к отдельному случаю» [...]. В имени самое важное — то, что оно является энергией сущности вещи; следовательно, оно

несет на себе и все интеллигентные, мифологические и личностные функции вещи. Поэтому имя — не звук, но сама вещь, данная, однако, в разуме. От этого она отнюдь не перестает быть реальной вещью. Ясно, кроме того, что только при таком понимании имени можно обосновать общение субъекта с объектом. Если имя — только звук, то звук существует сам по себе, а вещь — сама по себе, и потому, сколько ни повторй эти звуки, они никуда не выйдут за пределы субъекта. Если же имя воистину обозначает нечто, то, значит, по имени мы узнаем сами вещи. А это возможно только тогда, когда в имени есть нечто от вещи, и притом не нечто вообще, но как раз то, что для вещи существенно, ибо иначе мы и не узнали бы, что тут имеется в виду именно та, а не эта вещь. Но если имя как-то содержит в себе вещь, оно должно иметь в себе и соответствующую структуру вещи, оно должно быть в этом смысле самой вещью. Конечно, имя не есть вещь в смысле субстанции. Как субстанция, вещь — вне своего имени. Но имя есть вещь как смысл вещи; оно в умном смысле есть сама вещь. Поэтому если имя есть сама вещь, то вещь сама по себе — не имя. Все это можно обосновать только путем диалектического, т. е. антиномико-синтетического, выведения имени из самой вещи и путем нахождения именной структуры в сущности самой вещи. Это и делаю я в своем учении об имени в книге «Философия имени».

Перед нами фактически краткое изложение лосевской философии имени и того, откуда в ней заимствован тот или иной элемент. Попытаемся разложить данный манифест на указанные составные части:

(1) *Имя есть актуальное бытие вещи*, отличное от субстанциального бытия вещи; различие и тождество между вещью и именем — это различие между сущностью (= субстанцией) и энергией; постольку поскольку энергия тождественна сущности, имя тождественно вещи; постольку поскольку энергия являет собой различие сущности от самой себя, оно являет собой иное по отношению к сущности при сохранении тождества;

(2) *Имя как энергия вещи присутствует в разуме*, который в этом смысле является «отражением» вещи как субстанции. Если внешняя для разума реальность является совокупностью вещей, то разум выступает совокупностью смыслов этих вещей, одновременно и тождественных совокупности вещей, и отличных от нее. В этом смысле разум оказывается деятельностью вещи по ее постижению самой себя. Собственно говоря, это и возможно потому, что в разуме вещь не тождественна самой себе: она выступает одновременно и как субъект (модус отличия от субстанции), и как объект (модус тождества субстанции).

(3) Благодаря тому, что имя в качестве энергийного отображения вещи-субстанции тождественно вещи-субстанции, *имя является основой коммуникации*. Действительно, имя — не только воспринимаемое, то

есть не только объект (звук), но и воспринимающее, то есть субъект. А поскольку эта двойственность обнаруживается в любом сознании при наличии в нем данного имени, это любое сознание может понимать то, что пребывает также в любом другом сознании. Имя оказывается тождественно-различным не только для индивидуального сознания, но и для любого множества сознаний, а значит мышление (= понимание имени) оказывается не только внутрииндивидуальным процессом, но и межчеловеческим, коммуникативным.

(4) Поскольку имя является энергийным отражением вещи, *имя интеллектуально воспроизводит структуры вещи*: как ее форму (смысл), так и ее материю (звуковую составляющую; внешнюю сторону языка). При этом материя имени будет являться принципом отличия имени как от вещи, так и от себя самого. Накопление языковых изменений, вообще любая языковая трансформация предполагает, как мы знаем из самого элементарного опыта пользования языком, изменение отношения имени (обозначающего) к вещи (обозначаемому) вплоть до возникновения нового непосредственного отношения имени и вещи (вероятно, тут корректнее говорить о возникновении нового имени). С другой стороны, с тем же основанием мы можем говорить и о том, что в самой вещи накопление материальных изменений предполагает «смену формы», то есть возникновение новой вещи. При этом очевидно, что и в случае вещи, и в случае имени смысл никак не изменяется. Структурное совпадение вещи и имени означает, что при тождестве смысла-формы обнаруживается также и тождество принципа изменения. То есть пока сохраняется текущее соотношение вещи и имени, сохраняется и их структурное тождество, не отменяющее текущего же различия на уровне материальной структуры.

(5) *Трактовка имени как реальности, тождественно-различной на всех уровнях: на уровне простого отношения к вещи, на уровне бытия в качестве интеллектуальной реальности, на уровне коммуникации, наконец, на уровне структурной сложности — невозможна без применения диалектического метода.* Действительно, метод должен соответствовать объекту применения. Только тот путь мышления, который способен вместить в себя противоположности и, более того, даже предполагает наличие противоположностей в качестве своего фундамента, подходит для описания сотканной из антиномий реальности имени².

²Совершенно неслучайно именно диалектике как ключевому элементу философии имени посвящены первые страницы соответствующего трактата: «Я привык думать, что

Если следовать словам А. Ф. Лосева, приведенным выше, эти пять пунктов русский философ находит у перечисленных им в этом же отрывке авторов. Судя по всему, при этом сам А. Ф. Лосев не считает, что какой-то из этих авторов в полной мере правильно и полно описал реальность имени, — иначе он не брался бы за осуществление данного труда. Логично предположить, что каждый из упомянутых авторитетов воспроизвел какой-то важный из аспектов философии имени. Попробуем разобраться какой, следуя словам самого А. Ф. Лосева. Поскольку нам в рамках данной статьи важно понять, источником какого аспекта философии имени был А. А. Потебня, к нему мы перейдем в последнюю очередь. Итак, вот перечень философов и те аспекты учения об имени, которые соответствуют каждому из них. При этом важно подчеркнуть, что в данном случае не так важно, как сам авторитет трактовал природу имени, — важно, как А. Ф. Лосев реципировал данную трактовку.

(1–2) Платон и Прокл — шп. 1–2 и, возможно, п. 5. Стоит сослаться на комментарий А. Ф. Лосева к диалогу «Кратил», где он прямо пишет (Лосев, 1990: 830):

Нам казалось, что если попытаться систематизировать все основные мысли «Кратила», оставшиеся в самом диалоге без всякой системы, то, пожалуй, ярче всего будет бросаться в глаза разная степень присутствия объективной сущности вещей в субъективном сознании человека.

П. 5 следует добавить только потому, что сам А. Ф. Лосев считал Платона родоначальником диалектического (особенно в том смысле, какой вкладывал в это понятие сам Лосев) метода (Лосев, 2000b: 274)³, а Прокла — его наиболее последовательным и тщательным продолжателем в этом отношении (Лосев, 2000a: 60–61; см. также Оболевич, 2014: 202–203).

(3–4) Г. В. Ф. Гегель и Ф. В. Й. Шеллинг — шп. 1–2, 5. В случае Гегеля А. Ф. Лосев просто констатирует наличие учения о тождестве вещи и имени, где имя — это представляемая вещь⁴. Несколько более про-

„объяснение“ не обязательно есть натурализм, что есть „объяснение“ — не психологическое, не метафизическое, но чисто смысловое же. И вот это смысловое объяснение я и вижу в диалектике. Что диалектика не есть формальная логика — это известно всем. Что она — не метафизика, это тоже понимают многие. Но я утверждаю, что она не есть также и феноменология и не есть кантовский трансцендентализм. Четкое проведение различия всех этих методов мысли было основанием моей работы» (Лосев, 1993b: 616).

³О платонических корнях философии имени А. Ф. Лосева см.: Оболевич, 2014: 117–148.

⁴Относительно общего влияния Г. В. Ф. Гегеля на А. Ф. Лосева см.: Деревянко, 2012b; Модин, 2016; Тихеев, 2016; Коротких, 2016; Гравина, Гравин, 2017; Нижников, 2021.

странно, с приведением цитаты русский философ пишет о Шеллинге: он указывает на слово, речь, язык как на эманации божественной сущности, божественного знания, которые обнаруживают в себе тождественно-различное отношение к нему и за счет этого — возможность к самопорождению и самовоспроизводству. Следует подчеркнуть, что в случае Шеллинга идет речь о мышлении и языке не как о субъективных реальностях, хотя, очевидно, предполагается проецирование их на соотношение вещи имени в приложении к индивидуальному сознанию⁵.

(5) В. Гумбольдт — пп. 2–3. Поскольку речь идет о философии языка, мы должны как само собой разумеющееся включить Гумбольдта в число авторов, которые указывают на коммуникативную природу имени (речь, конечно, не о простом указании, а о теоретической разработке данной проблематики). На рецепцию п. 2 прямо указывает А. Ф. Лосев: язык в философии Гумбольдта предстает одновременно и субъектом творчества и познания природы, и их объектом. Язык выступает как нечто двойственное, при этом указания на «вещь-в-себе», на бытие, отражением которого является язык, у Гумбольдта (в изложении А. Ф. Лосева) нет⁶.

(6) К. С. Аксаков — пп. 1–2. Подчеркивается тождество бытия и сознания в языке, тождество, возможное в интеллекте, в процессе мышления и говорения. При этом язык оказывается выражением мышления, его принадлежностью, но, с другой стороны, самим существом человека, таким существом, где наблюдается двойственность мысли и имени. Далее, язык мыслится как вещь, лишенная материи, как чистая форма бытия, как чистая действительность в идее (Лосев, 1997)⁷.

(7–8) Э. Гуссерль и А. Марти — п. 4. В данном случае А. Ф. Лосев прямо ссылается на концепцию «чистой грамматики» Э. Гуссерля и аналогичное учение А. Марти, сущностью которых является выработка

⁵ Специально о Шеллинге см.: Калошина, 2002; Деревянко, 2012а.

⁶ Насколько я знаю, не существует исследований, посвященных связи философии имени А. Ф. Лосева и теории В. фон Гумбольдта. Пока мне представляется, что с этой теорией А. Ф. Лосев был знаком (мы говорим о периоде, предшествующем написанию «Философии имени») в основном через книгу А. А. Потебни «Мысль и язык». В частности, в «Рождении мифа» присутствует только одна ссылка на Гумбольдта, и та с пометкой «у Потебни» (Лосев, 2015b: 240).

⁷ Записка А. Ф. Лосева, посвященная филологическим и философским взглядам Аксакова, дает нам такую картину учения последнего, которая очень близка к тому, что мы находим у А. А. Потебни. Неслучайно А. Ф. Лосев упоминает этих авторов в одном контексте. К сожалению, у нас нет достаточного количества материала для реконструкции влияния К. Аксакова на «Философию имени» Лосева. См. также: Безлепкин, 2017: 166.

чистых априорных возможностей любого языка, «в общей установке на исследование универсальных и необходимых языковых форм» (Громов, 2004: 129). При этом (повторюсь, речь только о наличных утверждениях А. Ф. Лосева) ни Гуссерль, ни Марти здесь не позиционируются как философы, которые говорили о тождестве бытия и мышления, бытия и языка⁸.

(9) Э. Кассирер — пп. 2, 4. Кассиреру вменяется в заслугу концепция априорной языковой структуры, где значение предшествует любому материальному содержанию (звуку, звуковому оформлению, языковой конкретике). При этом манифестируется тождество имени и вещи, интерпретируемое Лосевым без всякого отношения к тому, есть ли какая-то вещь за пределами «априорного» имени (повторюсь, трактовка Э. Кассирером вещи в себе как «иллюзии мышления» здесь роли не играет)⁹.

Проанализировав на основании данного отрывка источника философии имени А. Ф. Лосева, мы теперь можем увидеть, в чем именно видел русский философ заслугу А. А. Потемни, какие именно аспекты своего учения он обнаруживал у него. Прочитируем еще раз его слова о философии языка А. А. Потемни (Лосев, 1995: 191):

А. Потемня, развивший замечательное учение о взаимоотношении мысли и языка, если освободить его от ненужных психологистических привнесений, и утверждающий, что «слово есть самая вещь» [...], что «язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее» [...], что оно — орган самосознания, начало, организующее понимание вещи [...].

Попробуем разбить данную цитату на элементы, соответствующие пяти пунктам философии имени самого А. Ф. Лосева.

⁸О месте философии Гуссерля в сочинениях А. Ф. Лосева: «Наперекор Г. Шпету, у А. Лосева использование феноменологии не ограничивается исследованиями естественного языка и символическая функция зависит не от бытия языка, но от опыта бытия. Для А. Лосева философия имени в той же мере, что и феноменология музыки, чисел, художественных форм или диалектика мифа, имеет онтологическое значение, т. е. собственное укоренение в жизни бытия. По мере того как она способствует совместному зрению разных модусов символического существования в жизни абсолюта, феноменология присутствует в каждом из этих модусов и участвует в осознании философом онтологического значения каждой области культуры. Таким образом, А. Лосев, который, на первый взгляд, относился к гуссерлевской мысли более скромно и критично, чем Г. Шпет, оказался, в конце концов, более верным духом создателя феноменологии, который до конца своей жизни не перестал возвращаться к тематике обоснования знания» (Dennes, 2005: 43).

⁹О влиянии Э. Кассирера на А. Ф. Лосева см. прежде всего: Вейнмейстер, 2012.

(1) *Слово есть сама вещь* (= п. 1). Эта ключевая манифестация лосевской философии имени обнаруживается у большинства перечисленных им предшественников. Присутствует она и у Потевни. Разумеется, слово для последнего является отражением «реального мира», результатом воздействия этого мира на человеческое сознание. Оно в самом буквальном смысле есть действие вещи в человеке, хотя, конечно, действие, опосредованное механизмами восприятия и мышления.

(2) *Слово противопоставлено вещи как мысль о вещи* (= п. 2). То есть слово, будучи тождественным вещи, противопоставлено ему как нечто интеллектуальное, как идея вещи. В мыслительном процессе вещь распадается на субъект (орган познания, то, что создает мысль) и объект (то, что понимается в мысли, то, что создается, — если угодно, «мыслительная материя»), оказываясь «органом самосознания». В итоге А. Ф. Лосев констатирует «умное» пребывание вещи в мыслительном процессе, постольку поскольку слово является одновременно и вещью, и средством познания вещи.

(3) *Коммуникативная природа имени* (= п. 3). В данном случае мы вынуждены отступить от чистоты эксперимента и просто сослаться на то, что речь идет именно об авторе оригинальной философии языка (о чем и говорит А. Ф. Лосев), то есть философии коммуникативного инструмента. В конечном итоге «коммуникация» для философии языка предполагается как нечто имманентное самому предмету философской мысли. В любом случае для А. А. Потевни коммуникация возможна благодаря тому, что воспринимающий в самом себе обнаруживает передаваемое ему содержание¹⁰.

(4) *Имя воспроизводит структуру вещи* (= п. 4). С точки зрения А. Ф. Лосева, в философии языка А. А. Потевни содержится тезис о том, что язык структурирует или организует процесс понимания вещи, продуцирует мысль, которая идеально тождественна вещи, и воспроизводящую структуру вещи. Действительно, если понимание вещи вообще есть нечто организованное или структурированное, оно должно

¹⁰ «„Сообщение мысли“ есть речение, которое всякий, если не сделает некоторого усилия над собою, поймет не в переносном, а в собственном смысле. Кажется, будто мысль в речи переходит вполне или отчасти к слушающему, хоть от этого не убавляется умственной собственности говорящего, как пламя горящей свечи не уменьшится от того, что она, по-видимому, делится им с сотней других. Но как в действительности пламя свечи не дробится, потому что в каждой из зажигаемых свечей воспламеняются свои газы, так и речь только возбуждает умственную деятельность понимающего, который, понимая, мыслит своею собственной мыслию» (Потевня, 1999: 118–119).

каким-то образом соотноситься с организацией или структурой того, что оно понимает, то есть с организацией или структурой вещи. Но это отношение может быть лишь отношением тождества, поскольку, как мы знаем, имя и вещь в рамках философии языка А. А. Потебни (с точки зрения А. Ф. Лосева) тождественны. Но иначе и быть не может: если слово является инструментом познания вещи, то оно знает вещь только так, как она структурирована словом.

Тем самым, если следовать прямым словам А. Ф. Лосева, именно в философии языка А. А. Потебни обнаруживается наибольшее количество элементов его собственной философии имени. Не хватает, как мы видим, только элемента, описанного в п. 5, а именно тезиса о том, что философская трактовка имени должна носить диалектический или антиномико-синтетический характер. А. Ф. Лосев констатирует, что его философия имени является фактически воспроизведением философских взглядов А. А. Потебни, причем не только в целом, в каком-то «ключевом» пункте (именно в таком духе он говорит о прокловской трактовке диалога «Кратил» или о философии языка классиков немецкой классической философии), а в нескольких пунктах. В чем А. Ф. Лосев расходится с А. А. Потебней, так это в методологии. А. А. Потебня идет по пути психологической феноменологии, прослеживая путь от возникновения слова до формирования сложных языковых структур. А. Ф. Лосев идет по пути диалектического выведения разноуровневых противоположностей из единого, уже «готового», существующего имени.

К счастью, помимо декларации (хотя бы и довольно пространной) относительно основных источников учения А. Ф. Лосева об имени в нашем распоряжении есть документ, демонстрирующий механизм рецепции потебнинской философии языка. Речь о черновике, точнее о развернутых тезисах статьи А. Ф. Лосева «Рождение мифа», готовившейся в 1918–1919 годах (А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, Троицкий, 2015: 1034), но так и не дописанной¹¹. В этой статье А. Ф. Лосев приводит конспективные заметки из «Мысли и языка» А. А. Потебни, выстраивает их в некоторую диалектическую цепочку и фактически реконструирует диалектическую рамку философии имени, отсутствующую в тексте А. А. Потебни, но столь необходимую самому А. Ф. Лосеву. Элементы этой реконструкции можно сопоставить с элементами философии имени, представленной в одноименном труде А. Ф. Лосева.

¹¹Первая публикация: Лосев, 2005; вторая: Лосев, 2015b.

В «Рождении мифа» А. Ф. Лосев ссылается на Потебню (или на тексты, которые цитирует Потебня, что, на мой взгляд, практически одно и то же, поскольку они встроены в систему Потебни) 19 раз. Обобщая эти ссылки, я предлагаю список пунктов, которые А. Ф. Лосев прямо заимствует у А. А. Потебни:

1. Процесс и эволюция языка заключаются в последовательной дифференциации конститутивных элементов познавательного переживания, или в последовательном их осознании (Лосев, 2015b: 226–227).
2. Складываются «центры переживания», то есть устойчивые образы сознания, сформированные из повторяющихся ощущений (там же: 227–228).
3. Выражение чувства в звуке является первым этапом отъединения имени от вещи (там же: 230).
4. Дифференциация звуков, закрепление связи конкретного звука с предметом является рождением слова в собственном смысле (там же: 230–231).
5. Первозданное слово является не глаголом, не именем, а предложением, то есть целостным высказыванием о бытовании внешнего предмета (там же: 231–232).
- 5а. Это предложение следует отличать от позднейших дифференцированных предложений и сопоставлять скорее с отрывистыми словами детского языка (там же: 232)¹².
6. Первозданное слово является знаком признака предмета, то есть единичного чувственного образа (там же: 232–234).
7. Первозданное слово уже является средством апперцепции внешнего образа и способностью увидеть сумму образов в сознании, создать внутренний образ, внутреннюю форму слова, отличную от любых становящихся элементов слова (там же: 234).
8. Первозданное слово есть уже суждение, т. е. расчленение и связь признаков (там же: 234–235).
9. Слово есть средство сознания общности образа (там же: 235).
- 9а. Первозданное слово непригодно для мысли в собственном смысле; поскольку для этого слова объект еще не отделен от собственных признаков (там же: 236).
10. Совокупность суждений, содержание процесса аналитического познания образа является понятием — это следующий этап расчленения первозаданного слова (там же: 237–238).
11. Забвение чувственного образа — следствие аналитического разложения объекта в процессе постижения, оттенение (абстрагирование) одних элементов образа в пользу других

¹²Тереза Оболевич, приводя ссылку на это место из «Рождения мифа», делает предположение о том, что данный тезис мог быть заимствован Лосевым из данных этнологии или собственных наблюдений (Оболевич, 2014: 232). На мой взгляд, в данном случае исследователь просто не замечает, что этот тезис прямо заимствован у А. А. Потебни и — самое главное — является лишь одним из элементов заимствования.

(Лосев, 2015b: 238). 12. Овнешнение духовной жизни в звуке является внутренней необходимостью мышления (там же: 240). 13. В слове и только в слове осуществляется идея законности и порядка, которая выводится из самого процесса обособления слова от чувственных ощущений через суждения и понятия (там же: 240–241). 14. В слове и только в слове осуществляется идея системы как результата расчленения, взаимного противопоставления и взаимной обусловленности различных элементов первоначального чувственного массива (там же: 241–242). 15. Слово как совокупность внутренней формы и звука является средством понимания говорящего, то есть инструментом коммуникации за счет овнешненного содержания души (там же: 242). 16. Слово является средством самопознания, поскольку оно — не образ предмета, а образ образа, то есть отсылает не столько к предмету, сколько к отражению этого предмета в сознании (там же). 17. Обособление Я от мира соответствует формированию самого мира для Я в некотором смысле, поскольку слово и язык имманентны познающему субъекту (= Я), то они являются инструментом творения мира, отделяемого от Я (там же: 242–243).

При всем том, что данные тезисы, извлеченные из приводимых А. Ф. Лосевым цитат, не являются единственным и исчерпывающим содержанием статьи «Рождение мифа», рассмотренные обособленно, они представляют собой довольно стройную систему, связное описание эволюции слова, превращения его из чувственного (озвученного) образа в самодовлеющую идею, а точнее обособления самосознающей идеи от материи чувственных образов при сохранении последней в качестве области бытия идеи, ее развертывания. Собственно, этот тезис сформулирован А. Ф. Лосевым в п. 1. Далее идет экспликация данного тезиса, распределение элементов имени по степени его чистоты: от возникновения «центра переживания», то есть первичного сопоставления еще только ощущающего субъекта с воспринимаемым объектом (п. 2), через выражение чувства в звуке (п. 3), дифференциацию звуков (п. 4), формирование первоначального слова как целостного высказывания и первичного обобщения образа (пп. 5–8), «рождение» слова как самообращенного средства апперцепции, последовательного расчленения воспринятого образа в мыслительном акте (пп. 10–11) — до кристаллизации имени-идеи как чистого самосознающего субъекта (пп. 16–17), из самого себя порождающего свою структуру (пп. 13–14) и чувственное иное для себя как «пространство» саморепрезентации (пп. 12 и 15).

В «Философии имени» А. Ф. Лосев, конечно, дает куда более структурированный, подробный и внимательный к тонким дистинкциям отчет об «истории» имени, но в предлагаемой им сводке (Лосев, 1993b: 740–742) анализа имени мы наблюдаем ту же самую историю: от абсолютного меона, то есть от нерасчлененной массы воспринимаемого, к звуку, затем к голосу, потом к чистой идее в противопоставлении чувственному меону, потом, при расчленении идеи, к ее формально-логическому аспекту и, наконец, к тому, что А. Ф. Лосев называет «меонально-сущностным определением», то есть к рождению имени как самодовлеющего субъекта, при этом не абстрагированного от того иного, в котором он существует. Поскольку я не ставлю под сомнение то, что русский философ оригинален в своей концепции имени и тем более в разработке конкретных элементов «истории» имени (или ее «иерархии»), сопоставление этих конкретных элементов с тем, что присутствует в трактате А. А. Потебни, показывает две вещи. С одной стороны, каждый элемент философии А. А. Потебни наличествует в «Философии имени», особенно если рассматривать «крупные» элементы, основные вехи «истории» имени: имя как соотношение с образом, имя как соотношение с образом образа, имя как самопознающую идею, как чистое Я. С другой стороны, сама методология А. Ф. Лосева (о чем я писал выше, разбирая краткий манифест русского философа) предполагает несколько иной взгляд на имя, нежели тот, что представлен у А. А. Потебни. Если последний рассматривал его как нечто функционирующее, как то, что имманентно языковому процессу, то русский философ берет имя в его сущности, хотя эта сущность предполагает в том числе «языковой» аспект, то есть саморепрезентацию имени в звуковом меоне и в коммуникации.

На мой взгляд, можно считать доказанным, что основным источником философии имени А. Ф. Лосева является философия языка А. А. Потебни, изложенная в книге «Мысль и язык». Об этом свидетельствуют и (1) лаконичные указания А. Ф. Лосева в предисловии к «Философии имени», и (2) пространный манифест, в котором он, помимо прочего, перечисляет все основные источники своей философии, особо выделяя труд А. А. Потебни, и (3) черновик статьи «Рождение мифа», в котором А. Ф. Лосев приводит ключевые цитаты из книги А. А. Потебни, отображающие те аспекты философии языка, которые легли в основу учения об имени, изложенного в трактате «Философия имени».

ЛИТЕРАТУРА

- Безлепкин Н. И.* Лингвофилософия К. С. Аксакова // *Философский полилог*. — 2017. — № 2. — С. 155–168.
- Вейнмейстер А. В.* Концепции символической интерпретации культуры (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев). — М. : Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2012.
- Гоготлишвили Л. А.* Религиозно-философский статус языка // *Бытие—Имя—Космос* / А. Ф. Лосев ; под ред. А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1993. — С. 906–923.
- Гравина И. В., Гравин А. А.* А. Ф. Лосев и немецкий идеализм : реемственность и различия // *Философские традиции и современность*. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 45–50.
- Громов Р. А.* Антон Марти. Философия языка брентановской школы (предисловие к публикации) // *Логос*. — 2004. — № 1. — С. 106–137.
- Деревянко К. И.* Лосевская интерпретация эстетики Шеллинга // *Sententiae*. — 2012a. — Т. 27, № 2. — С. 77–85.
- Деревянко К. И.* Лосевская критика немецкой философии // *Sententiae*. — 2012b. — Т. 28, № 1. — С. 87–95.
- Калошина Г. Е.* Проблема мифа и символа в трудах Шеллинга и Лосева // Т. 4. — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2002. — С. 229–230.
- Камчатнов А. М.* А. А. Потебня и А. Ф. Лосев о внутренней форме слова // *Русский филологический вестник*. — 1998. — № 1/2. — С. 1–6.
- Коротких В. И.* «Конкретность» как предмет умолчания : к вопросу об отношении А. Ф. Лосева к трансцендентально-спекулятивной философии Гегеля // *Философия и культура*. — 2016. — Т. 106, № 10. — С. 1395–1402.
- Лосев А. Ф.* Кратил // *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 1 / Платон ; под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1990. — С. 826–835.
- Лосев А. Ф.* *Бытие—Имя—Космос* / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1993a.
- Лосев А. Ф.* *Философия имени* // *Бытие—Имя—Космос* / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1993b. — С. 613–801.
- Лосев А. Ф.* *Диалектика художественной формы* // *Форма—Стиль—Выражение* / под ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. — М. : Мысль, 1995. — С. 5–296.
- Лосев А. Ф.* *Филология и эстетика* Конст. Аксакова. Г. А. Х. Н. 8 марта 1928 г. // *Имя : Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы* / под ред. А. А. Тахо-Годи. — СПб. : Алетейя, 1997. — С. 94–100.
- Лосев А. Ф.* *Последние века*. Т. 7. — Харьков, М. : Фолио, АСТ, 2000a.
- Лосев А. Ф.* *Софисты*. Сократ. Платон. Т. 2. — Харьков, М. : Фолио, АСТ, 2000b.
- Лосев А. Ф.* *Рождение мифа* // *Высший синтез : Неизвестный Лосев*. — М. : ЧеРо, 2005. — С. 146–189.

- Лосев А. Ф.* На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х годов / под ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. — М. : Прогресс-Традиция, 2015а.
- Лосев А. Ф.* Рождение мифа // На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х годов / под ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. — М. : Прогресс-Традиция, 2015б. — С. 213–250.
- Модин Р. В.* Гегельянские и гуссерлианские корни религиозно-философской мысли А. Ф. Лосева (в монастыре Андроника) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 3. — С. 16–19.
- Ниженков С. А.* Диалектика А. Ф. Лосева и Г. В. Ф. Гегеля // Вопросы философии. — 2021. — № 6. — С. 6–44.
- Оболевиц Т.* От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева / пер. Е. Твердисловой. — М. : ББИ, 2014.
- Полковникова С. А.* Потемня и Лосев // Философ и его время : к 125-летию А. Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения / под ред. Е. А. Тахо-Годи. — М. : МАКС Пресс, 2019. — С. 174–180.
- Потемня А. А.* Мысль и язык // Полное собрание трудов : Мысль и язык / под ред. Ю. С. Рассказова, О. С. Сычева. — М. : Лабиринт, 1999. — С. 5–198.
- Тамарченко Н. Д.* А. А. Потемня и М. М. Бахтин : язык и слово в поэзии и прозе // Известия Российской академии наук. — 2011. — Т. 70, № 2. — С. 13–27.
- Тахо-Годи А. А., Тахо-Годи Е. А., Троицкий В. П.* Комментарии // На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х годов / А. Ф. Лосев ; под ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. — М. : Прогресс-Традиция, 2015. — С. 1021–1085.
- Тихеев Ю. Б.* Ранний Лосев : путь к Платону // Универсум платоновской мысли : Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции / под ред. А. А. Галат. — СПб. : Центр содействия образованию, 2016. — С. 204–214.
- Dennes M.* The Place and Role of Husserlian Phenomenology in Aleksei Losev's Philosophy // Russian Studies in Philosophy. — 2005. — Vol. 44. — P. 33–43.

Shchukin, T. A. 2022. “‘Prekrasnaya kontseptsiya yazyka’ [‘The Beautiful Theory of Language’]: gumbol’dtiansvo A. A. Potebni i filosofiya imeni A. F. Loseva [The Humboldtianism of Alexander Potebnya and the Philosophy of Name by Alexey Losev]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 235–252.

TIMUR SHCHUKIN

RESEARCH ASSOCIATE

THE SOCIOLOGICAL INSTITUTE OF THE RAS –BRANCH OF THE FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (SAINT PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-7513-9873

“THE BEAUTIFUL THEORY OF LANGUAGE”

THE HUMBOLDTIANISM OF ALEXANDER POTEBNYA

AND THE PHILOSOPHY OF NAME BY ALEXEY LOSEV

Submitted: Jan. 20, 2021. Reviewed: Jan. 29, 2022. Accepted: Feb. 02, 2022.

Abstract: This paper is aimed to trace the reception of A. A. Potebnya’s philosophy of language in the writings by A. F. Losev (primarily in the treatise “Philosophy of the Name”) and to prove based on the testimony of the Russian philosopher himself that it was the linguistic philosophy by Potebnya that lay at the foundation. Of course, it was not copied, of the original philosophy of Losev, undoubtedly lying in line with the reception of late Antique and New European philosophy. The circle of sources of the “Philosophy of the Name” is outlined, which Losev speaks about in a note to the treatise “Dialectics of Artistic Form”. What Losev declared on each of the “sources” of his philosophy is compared with the essential elements of Losev’s philosophy of the name itself, with the conclusion on which of the sources was more important and which was secondary. The outcome received is that the significant part of elements of Losev’s philosophy of the name is found in the treatise “Thought and Language” by Potebnya, to which Losev primarily refers. From the point of view of Losev, Potebnya’s philosophy of language contains the thesis that language structures or organizes the process of understanding a thing, produce a thought that is ideally identical to the thing, reproducing the structure of the thing. Also, the quotes from Potebnya in the article “The Birth of a Myth” by Losev are analyzed, which are built into a coherent system, in my opinion, received and reinterpreted in the treatise ‘Philosophy of the Name’. The key difference between the systems of Potebnya and Losev lies in the sphere of philosophical method: whereas Potebnya builds the “history” of the name from an indistinguishable sensory array to a self-conscious idea, its phenomenology, the Russian philosopher dialectically deduces the elements of the name from the already present idea.

Keywords: Alexander Potebnya, Alexey Losev, Philosophy of Language, Philosophy of Name, New European Philosophy, Name, System, Structure.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-235-252.

REFERENCES

- Bezlepkin, N. I. 2017. “Lingvofilosofiya K. S. Aksakova [K. S. Aksakov’s Linguophilosophy]” [in Russian]. *Filosofskiy potilog [Philosophical Polylogue]*, no. 2: 155–168.
- Dennes, M. 2005. “The Place and Role of Husserlian Phenomenology in Aleksei Losev’s Philosophy.” *Russian Studies in Philosophy* 44:33–43.

- Derevyanko, K. I. 2012a. "Losevskaya interpretatsiya estetiki Shellinga [Losev's Interpretation of Schelling's Aesthetics]" [in Russian]. *Sententiae [Sententiae]* 27 (2): 77–85.
- . 2012b. "Losevskaya kritika nemetskoj filosofii [Losev's Critique of German Philosophy]" [in Russian]. *Sententiae [Sententiae]* 28 (1): 87–95.
- Gogotishvili, L. A. 1993. "Religiozno-filosofskiy status yazyka [Religious and Philosophical Status of Language]" [in Russian]. In *Bytiye — Imya — Kosmos [Being — Name — Cosmos]*, by A. F. Losev, ed. by A. A. Takho-Godi, 906–923. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Gravina, I. V., and A. A. Gravin. 2017. "A. F. Losev i nemetskiy idealizm [A. F. Losev and German Idealism]: reyemstvennost' i razlichiya [Succession and Difference]" [in Russian]. *Filosofskiy traditsii i sovremenost' [Philosophical Traditions and Modernity]* 11 (1): 45–50.
- Gromov, R. 2004. "Anton Marti. Filosofiya yazyka brentanovskoy shkoly. Predisloviye k publikatsii [Anton Marty. The Philosophy of the Language of the Brentano' School. Preface to the Publication]" [in Russian]. *Logos [Logos]* 44 (1): 106–137.
- Kaloshina, G. Ye. 2002. "Problema mifa i simvola v trudakh Shellinga i Loseva [The Problem of Myth and Symbol in the Works of Schelling and Losev]" [in Russian]. In , 4:229–230. Rostov-na-Don: Yuzhnyy federal'nyy universitet.
- Kamchatnov, A. M. 1998. "A. A. Potebnya i A. F. Losev o vnutrenney forme slova [A. A. Potebnya and A. F. Losev on the Inner Form of the Word]" [in Russian]. *Russkiy filologicheskii vestnik [Russian Philological Bulletin]*, nos. 1/2: 1–6.
- Korotkikh, V. I. 2016. "'Konkretnost'" kak predmet umolchaniya ['Haecceity' as a Subject of Silence]: k voprosu ob otnoshenii A. F. Loseva k transtsendental'no-spekulyativnoy filosofii Gegelya [On the Question of A. F. Losev's Attitude to Hegel's Transcendental Speculative Philosophy]" [in Russian]. *Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]* 106 (10): 1395–1402.
- Losev, A. F. 1990. "Kratil [Cratylus]" [in Russian]. In vol. 1 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by Platon [Plato], ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, 826–835. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1993a. *Bytiye — Imya — Kosmos [Being — Name — Cosmos]* [in Russian]. Ed. by A. A. Takho-Godi. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1993b. "Filosofiya imeni [Philosophy of the Name]" [in Russian]. In *Bytiye — Imya — Kosmos [Being — Name — Cosmos]*, ed. by A. A. Takho-Godi, 613–801. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1995. "Dialektika khudozhestvennoy formy [Dialectics of Artistic Form]" [in Russian]. In *Forma — Stil' — Vyrazheniye [Form — Style — Expression]*, ed. by A. A. Takho-Godi and I. I. Makhankov, 5–296. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1997. "Filologiya i estetika Konst. Aksakova. G. A. Kh. N. 8 marta 1928 g. [Philology and Aesthetics of Konstantin Aksakov. State Academy of Art Sciences. March 8, 1928]" [in Russian]. In *Imya [Name] : Izbrannyye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnyye materialy [Selected Works, Translations, Conversations, Research, Archival Materials]*, ed. by A. A. Takho-Godi, 94–100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- . 2000a. *Posledniye veka [The Last Centuries]* [in Russian]. Vol. 7. Khar'kov, Moskva [Moscow]: Folio, ACT.
- . 2000b. *Sofisty. Sokrat. Platon [Sophists. Socrates. Plato]* [in Russian]. Vol. 2. Khar'kov, Moskva [Moscow]: Folio, ACT.
- . 2005. "Rozhdeniye mifa [The Birth of a Myth]" [in Russian]. In *Vysshiy sintez [Higher synthesis] : Neizvestnyy Losev [Unknown Losev]*, 146–189. Moskva [Moscow]: CheRo.

- . 2015a. *Na rubezhe epokh. Raboty 1910-kh – nachala 1920-kh godov* [At the Turn of the Epochs. Works of the 1910s – Early 1920s] [in Russian]. Ed. by A. A. Takho-Godi, Ye. A. Takho-Godi, and V. P. Troitskiy. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- . 2015b. “Rozhdeniye mifa [The Birth of a Myth]” [in Russian]. In *Na rubezhe epokh. Raboty 1910-kh – nachala 1920-kh godov* [At the Turn of the Epochs. Works of the 1910s – Early 1920s], ed. by A. A. Takho-Godi, Ye. A. Takho-Godi, and V. P. Troitskiy, 213–250. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- Modin, R. V. 2016. “Gegel’yanskiye i gusserlianskiye korni religiozno-filosofskoy mysli A. F. Loseva (v monashestve Andronika) [Hegel and Husserl’s Roots of the Religious and Philosophical Thought of Aleksei Losev (in scheme— Andronik)]” [in Russian]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], no. 3: 16–19.
- Nizhnikov, S. A. 2021. “Dialektika A. F. Loseva i G. V. F. Gegelya [Dialectics of A. F. Losev and G. V. F. Hegel]” [in Russian]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 6: 6–44.
- Obolevich, T. 2014. *Ot imyaslavniya k estetike. Kontseptsiya simvola Alekseya Loseva* [in Russian]. Trans. by Ye. Tverdislova. Moskva [Moscow]: BBI.
- Polkovnikova, S. A. 2019. “Potebnya i Losev [Potebnya and Losev]” [in Russian]. In *Filosof i yego vremya* [The Philosopher and His Time] : k 125-letiyu A. F. Loseva. XVI Losevskiy chteniye [To the 125th Anniversary of A. F. Losev. 16th Losev Readings], ed. by Ye. A. Takho-Godi, 174–180. Moskva [Moscow]: MAKSS Press.
- Potebnya, A. A. 1999. “Mysl’ i yazyk [Thought and Language]” [in Russian]. In *Polnoye sobraniye trudov* [Completed Works] : Mysl’ i yazyk [Thought and Language], ed. by Yu. S. Rasskazov and O. S. Sychev, 5–198. Moskva [Moscow]: Labirint.
- Takho-Godi, A. A., Ye. A. Takho-Godi, and V. P. Troitskiy. 2015. “Kommentarii [Comments]” [in Russian]. In *Na rubezhe epokh. Raboty 1910-kh – nachala 1920-kh godov* [At the Turn of the Epochs. Works of the 1910s – Early 1920s], by A. F. Losev, ed. by A. A. Takho-Godi, Ye. A. Takho-Godi, and V. P. Troitskiy, 1021–1085. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- Tamarchenko, N. D. 2011. “A. A. Potebnya i M. M. Bakhtin [A. A. Potebnya and M. M. Bakhtin]: yazyk i slovo v poezii i proze [Language and Word in Poetry and Prose]” [in Russian]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences] 70 (2): 13–27.
- Tikheyev, Yu. B. 2016. “Ranniy Losev [The Early Losev]: put’ k Platonu [The Way to Plato]” [in Russian]. In *Universum platonovskoy mysli* [The Universe of Platonic Thought] : Platon i sovremennost’. Materialy xxiv nauchnoy konferentsii [Plato and Modernity. Materials of the 24th Scientific Conference], ed. by A. A. Galat, 204–214. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr sodeystviya obrazovaniyu.
- Veynmeyster, A. V. 2012. *Kontseptsii simvolicheskoy interpretatsii kul’tury* (E. Cassirer, A. F. Losev) [Concepts of Symbolic Interpretation of Culture (E. Cassirer, A. F. Losev)] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet servisa i ekonomiki.